

приложений одной из самых актуальных задач отечественной науки и практики в условиях современной российской действительности.

Уже более десяти лет в СПбГУ существует юридическая клиника, где студенты под руководством преподавателей помогают малоимущим гражданам, бесплатно проводя консультации по правовым вопросам. Сейчас такие клиники существуют во многих вузах, а первыми начинали преподаватели и студенты нашего университета. Это движение растет, потому что это необходимо гражданам, которые принимают участие в строительстве правового общества. Важнее всего при этом интегральное воспитание, когда происходит не только повышение правовой компетентности студентов и тех людей, кто обращается к ним за помощью, но и формирование психолого-педагогической идентичности, а самое значимое — становление активной гражданской личности.

Ректор СПбГУ особо отмечает знаковое событие, на котором мы все сегодня присутствуем. Это презентация научного журнала «Прикладная юридическая

психология», издающегося Академией ФСИН России с 2007 г. В нем публикуются материалы по самым актуальным вопросам современной юридической психологии, обсуждаются результаты прикладных и экспериментальных исследований по социальной, юридической, педагогической и пенитенциарной психологии, глубоко освещаются вопросы пенитенциарной и юридической педагогики. Среди авторов статей — известные ученые, с многолетним опытом работы сотрудники уголовно-исполнительной системы, докторанты и адъюнкты.

Без сомнений, это плод усилий всего коллектива работающих в нем людей. Тем не менее особая роль в том, что молодой журнал успел за короткое время зарекомендовать себя как авторитетное научное издание, принадлежит его главному редактору — доктору психологических наук Дмитрию Сочивко, с которым нас связывают долгие годы работы, творчества и дружеской привязанности.

Желаю успеха в научных исследованиях, педагогической деятельности и практической работе всем участникам семинара!

Юридическая психология: генезис и перспективы

В. М. Поздняков

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», на основе большого исторического материала представлена роль современной юридической психологии в системе психологического знания.

Ключевые слова: юридическая психология, историографические исследова-

ния, психология преступления, исправительный процесс, психология исправления.

Summary: the article reflects the author's presentation materials for a research workshop «Applied legal psychology», based on a large historical material presented the role of psychology in the modern legal system of psychological knowledge.

Keywords: *legal psychology, historiographic studies, psychology crime, correctional process, psychology fixes.*

Известный психолог Константин Константинович Платонов любил повторять: «Каждой науке что-то дано, а что-то задано». Данная фраза, услышанная в 1984 г. при обсуждении темы моей кандидатской диссертации, в последующем заставляла критично воспринимать тенденции в развитии юридической психологии как отрасли психологической науки и области психопрактики. Ведь юридическая психология, включенная с 1971 г. в реестр научных психологических специальностей (под номером 19.00.06), одновременно представлена и в научном направлении — юриспруденция. Наличие двойного статуса создает определенные коллизии. В связи с этим представляется важным рассмотреть ее научное поле прежде всего в социально-историческом аспекте, а затем вести речь о перспективах развития.

Проведенное историографическое исследование позволяет констатировать, что наиболее динамичным развитие юридической психологии в России было в периоды правовых инноваций: в ходе судебной (1864 г.) и пенитенциарной (1879 г.) реформ в дореволюционной России, при формировании в 1920-х годах правовых основ Советского государства, при правовой модернизации в 1960-70-х годах, при принятии в 1990-х годах новых кодексов в постсоветской России. Обусловлено это лишь внешним социальным заказом или, кроме того иными причинами, рассмотрим подробнее.

Накануне судебной реформы (1864 г.) рядом видных юристов была инициирована научная дискуссия о возможнос-

ти и путях применения психологии в праве. В частности, С.И. Баршев в работе «Взгляд на науку уголовного законо-

дательства» (1858) доказывал, что ни один вопрос уголовного права не может быть решен без помощи психологии, которая должна быть его составной частью. К.Я. Яневич-Яневский в статье «Мысли об уголовной юстиции с точки зрения физиологии и психологии» (1862) писал, что физиологическое и психологическое образование юристов не должно быть спекулятивным, так как «законы духовной жизни ускользают от внимания тех, кто погружается в метафизические отвлеченности».

В.Д. Спасович в учебнике «Уголовное право» (1863) многие правовые факты пытался объяснить с позиции достижений физиологии и психологии. В последующем, понимая недостаточную изученность юридико-психологической проблематики, он стал лично проводить анамнестические обследования преступников с целью дать различие их «душевных недугов как болезней мышления, чувств или воли». Следует отметить, что уровень сделанных В.Д. Спасовичем обобщений имел фундаментальный характер, а поэтому по инициативе И.М. Сеченова он был избран членом научного общества при Военно-медицинской академии. Несомненной заслугой В.Д. Спасовича является его содействие интенсификации междисциплинарных контактов, так как созданная им при Петербургском уни-

верситете первая в России общественная ассоциация юристов действовала по уставу, который обеспечивал членство в ней и представителям других наук. В итоге в повестку заседаний ассоциации включались доклады и по юридико-психологической проблематике.

Касаясь содержания имевших место научных дискуссий представляет важным отметить ряд моментов. В публикациях по истории возникновения психологии в России преимущественно рассматривается лишь суть полемики между И.М. Сеченовым и его оппонентом К.Д. Кавелиным. Вместе с тем позиция отстаиваемая юристом К.Д. Кавелиным, являвшимся в 1857-1961 гг. заведующим кафедрой гражданского права Петербургского университета, а в 1882-1884 гг. — президентом Вольного экономического общества, была более многоплановой и касалась реформирования страны в целом. Она активно поддерживалась русской либеральной интеллигенцией, так как Кавелин доказывал необходимость учета личностного начала не только в праве и считал, что «индивидуальность есть почва всякой свободы и всякого развития». Именно его подход к рассмотрению проблемы «свободы воли» стал основой для широкой дискуссии, в которую включились как И.М. Сеченов, так и представители

университетской психологии Н.Я. Грот, М.М. Троицкий, Л.М. Лопатин и др.¹

Благодаря междисциплинарности дискуссии и возникли предпосылки для появления «психологической теории права», разработанной Л.И. Петражицким — заведующим кафедрой энциклопедии и философии права Петербургского университета. Ее автор в ряде работ «О мотивах человеческих поступков» (1904), «Введение в изучение права и нравственности: эмоциональная психология» (1905), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907) доказывал, что именно психология, ее теория эмоций и мотивации способны дать научно обоснованное решение вопросов правового регулирования и оценки индивидуального и массового поведения, в том числе при совершении преступлений, а также обеспечить эффективную «переделку человеческого характера для достижения желательного социального поведения»². И хотя Л.И. Петражицким, по мнению его современников видных юристов Б.Н. Чичерина, П.Н. Новгородцева, В.И. Сергеевича, в право во многом априорно заводилась «психологизаторская платформа», причем с жестким методологическим размежеванием с ранее существовавшими подходами³, до настоящего времени без анализа его взглядов уже невозможно преподавать юристам теорию права⁴.

¹ Подробнее см.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность. М., 2000. С. 29-31.

² См.: Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Петражицкий Лев Иосифович (1867-1931) // 100 выдающихся психологов мира. М., 1996. С. 170-173.

³ На это неоднократно указывали адепты учения Л.И. Петражицкого. См.: Михайлов П.Е. Психологическая теория права перед судом русской юриспруденции. М., 1910; Иванов Г.А. Психологическая теория права в критической литературе. СПб., 1913.

⁴ См.: Будилова Е.А. Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983. С. 75-84; Исаев И.А. Рациональное и иррациональное в психологической теории права Л.И. Петражицкого // Психол. журн. 1986. № 4. С. 131-137; Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Указ. соч. С. 170-173; Пяткина С.А. Лев Иосифович Петражицкий: Очерк жизни и творчества // История русской правовой мысли. Биографии. Документы. Публикации. М., 1998. С. 224-242.

Учитывая, что основными функциями социальных наук являются классификация, предвидение и легитимизация⁵, в последней четверти XIX и начале XX века стала возрастать активность отечественных ученых в разработке типологий преступников и инструментария для работы с ними. При этом следует особо подчеркнуть, что их разработки не следовали слепо за модными новациями зарубежных ученых (например, в русле антропологической теории Чезаре Ломброзо), а представляли собой оригинальные подходы, базировавшиеся на критическом анализе отечественной практики правоприменения и опытно-экспериментальной работе. Это отличало научную деятельность многих вид-

ных юристов: И.Я. Фойницкого — автора первой типологии преступников⁶; Д.А. Дриля — теоретика ювенальной юстиции и организатора практики исправления малолетних правонарушителей⁷; Л.Е. Владимирова, заложившего основы судебно-психологической экспертизы⁸; А.М. Бобрищева-Пушкина, выявившего психологические закономерности суда присяжных⁹; Г.С. Фельдштейна, обосновавшего психологические основы учения о виновности¹⁰; Д.Д. Безсонова, изучившего особенности толпы, обуславливавшие массовые преступления¹¹.

Продуктивному развитию клинико-психологических исследований и их приложению в правовой сфере способст-

⁵ См.: Пэнто Л. Государство и социальные науки // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе: альманах рос.-франц. центра социологии и философии Института социологии РАН. М., 2005. С. 57-78.

⁶ В дореволюционный период И.Я. Фойницкий не только воспринимался как создатель теории тюремного ведения (см.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремным ведением. СПб., 1889), но и являлся активным участником государственных комиссий по пересмотру законодательства. Как один из основоположников социологического подхода в праве, он стал автором теории борьбы с преступностью как с проявлением личных свойств деятеля, являющейся своего рода прототипом возникшей позднее за рубежом теории «опасного состояния». Подробнее см.: Кашепов В.П., И.Я. Фойницкий // История русской правовой мысли: Биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 513-529.

⁷ Согласно Д.А. Дрилю, психология и право имеют дело с одними и теми же явлениями — законами сознательной жизни человека. Право, не обладая собственными средствами для изучения этих явлений, должно заимствовать их у психологии. Поэтому, по мнению Дриля, с одной стороны, психология есть тот базис, на котором право только и может быть построено, а с другой — только опираясь на психологию, уголовное право сможет «попыаться стать руководителем и светочем законодательства и практики». Подробнее см.: Дриль Д.А. На что должна быть направлена карательная деятельность? Психологический очерк. Пб., 1880; Его же. Малолетние преступники. М., 1884. Вып. 1; 1886. Вып. 2; Его же. Преступность и преступники (Уголовно-психологические этюды). СПб, 1885; Он же. Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (Частная психология преступности). М., 1890; Его же. Антропологическая школа и ее критики // Юрид. вестн. 1891; Уголовная антропология, ее предмет и задачи // Вестн. психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. 1904. Вып. 1.

⁸ Историки психологии (Е.А. Будилова, 1983; Т.Д. Марцинковская, 1994) традиционно считают Л.Е. Владимирова, являвшегося профессором уголовного права Харьковского университета, одним из основателей отечественной судебной психологии, так как им еще в 1870-х годах защищены магистерская диссертация на тему «О значении врачей-экспертов в суде» и докторская — «Суд присяжных», а также издана монография «Психические особенности преступников по новейшим исследованиям» (1877). Однако анализ его научного творчества позволяет отнести к ученым, заложившим фундамент в целом науки юридическая психология, которая, по его взглядам, должна развиваться на междисциплинарной основе.

⁹ См.: Бобрищев-Пушкин А.М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896.

¹⁰ Фельдштейн Г.С. Психологические основы учения о виновности: в 2 т. СПб., 1903.

¹¹ См.: Безсонов Д.Д. Массовые преступления в общем и уголовном праве. СПб., 1907.

вовала деятельность таких отечественных психиатров и психологов, как С.С. Корсаков, В.П. Сербский, В.Х. Кандинский, П.И. Ковалевский, Г.В. Рейтуа, И.А. Сикорский, А.А. Токарский, В.Ф. Чиж. Уже в 1887 г. на I съезде русских психиатров были обсуждены актуальные задачи: проведение судебно-психиатрических экспертиз (В.П. Сербский), создание психологического инструментария и его применение к аномальным людям (А.А. Токарский), совершенствование психиатрического семейного патронажа (С.С. Корсаков) и др.¹². Представляется, что изучение их вклада в развитие юридической психологии должно стать предметом специального монографического изучения.

С возникновением в России первых психологических лабораторий возросла активность в разработке методов изучения преступников. В отстаивании приоритета экспериментального подхода особая роль принадлежит В.М. Бехтереву. В опубликованной им в 1902 г. статье «Об экспериментальном психологическом исследовании преступников», а спустя 10 лет в обобщающем труде «Объективный психологический метод в применении к изучению преступности» пропагандировалась идея комплексного изучения человека, в том числе с учетом влияния на делинквентное поведение генеалогической наследственности, воспитания, среды жизни, особенностей генезиса психики. Бехтерев, определяя задачи созданного им

в 1908 г. Психоневрологического института (в том числе возникшей при нем криминологической секции), аргументировал, что «...всестороннее изучение человеческой личности, а тем более научно поставленное ее воспитание и исправление не может осуществляться иначе, как путем специальных исследований, производимых непосредственно на самом объекте, который должен быть предметом наблюдения и опыта, а это может быть осуществлено только при создании соответствующих научно-воспитательных учреждений»¹³.

В выполненных в дореволюционный период экспериментальных исследованиях изучались такие актуальные для права проблемы, как умственная работоспособность малолетних преступников (А.Л. Щеглов, 1902), влияние отношений личности на преступное поведение (А.Ф. Лазурский, 1903), правдивость (ложь) в свидетельских показаниях (И.Н. Хомяков, 1903; Г.Р. Португалов, 1903; О.В. Гольдовский, 1904, и др.); «физиология типов» преступников в зависимости от соотношения наследственности и воспитания (Н.А. Белов, 1914) и др.¹⁴.

Наряду с экспериментом в изучении преступников продолжали широко применяться наблюдение, беседы-интервью и идеографические методы, прежде всего в изучении закономерностей языка и речи конкретных групп преступников, атрибутов их субкультуры, анализе биографий заключенных, их авторских ру-

¹² См.: Столова Е.А. Проблемы психотерапии на первых съездах отечественных психиатров // Актуальные вопросы изучения механизмов гомеостаза: тез. респ. науч. конф. Каунас, 1983. С. 232-233.

¹³ Бехтерев В.М. О деятельности Психоневрологического института как высшего педагогического учреждения и его роли в педагогическом строительстве // Вопросы изучения и воспитания личности. 1921. № 3. С. 440-441.

¹⁴ Подробнее см.: История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии: сб. науч. тр. М., 1990. С. 5-82.

кописных письменных работ (дневников, писем, стихотворений и т.д.)¹⁵. В итоге появились психологические портреты по отдельным категориям преступников (П.Н. Тарновская, Н.С. Лобас, А.И. Ющенко, К. Огранович, П.Г. Бельский)¹⁶. В разработке и внедрении в пенитенциарную практику научно обоснованного диагностического инструментария весома роль Д.А. Дриля. Он, являясь директором департамента воспитательных учреждений для малолетних преступников, в апреле 1906 г. обратился в московские общества психологов и психиатров с тем, чтобы разработать специальные карты наблюдения, а уже в октября того же года обеспечил их легитимное применение на практике. Позднее интерес юристов был проявлен к разработанным А.Ф. Лазурским «Программе исследования личности»¹⁷ и Г.И. Россолимо методики — «Психологические профили»¹⁸.

Итак, в дореволюционной России при возникновении и развитии юридической психологии одновременно шла разработка ее теории, методов и легитимизация в правоприменительной практике.

При этом доминирующими ориентирами выступали ряд моментов.

Во-первых, при анализе причин преступности постепенно утверждалась позиция необходимости учета множества действующих факторов, но наибольшему исследованию подвергались биопсихологические и социальные¹⁹. Именно в контексте приоритетности действия данных групп факторов и велась разработка мер по профилактике правонарушений и исправлению преступников.

Во-вторых, в связи с тем, что в рамках расширенной научной дискуссии начала XX века все больше становилось сторонников той позиции, что «преступное поведение — это результат прежде всего внутреннего освобождения себя от закона, или иначе, результат индивидуального волевого акта, хотя оно и может возникать на основе примера, заражения, вовлечения, наведения»²⁰, все чаще стали звучать предложения перейти от традиционного догматико-юридического дихотомического подхода к рассмотрению проблемы «преступление — наказание» к новой, «триадной»

¹⁵ См.: Дашкевич Л.И. В женской тюрьме. СПб., 1898; Брейтман Т. Очерки из быта профессиональных преступников // Преступный мир. Киев, 1901; Гартевельд В.Н. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912; Попов В.М. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

¹⁶ См.: Тарновская П.Н. Женщины-убийцы. СПб., 1902; Лобас Н.С. Убийцы (некоторые черты психологии преступников). М., 1913; Ющенко А.И. Основы учений о преступнике, душевнобольном и психологии нормального человека. СПб., 1913; Огранович К. К вопросу о тюремной психологии // Вести права. 1914; Бельский П.Г. Преступность и дети. Рост детской преступности и борьба с ней. Среда. Детские типы // Психология и дети. 1917. № 4.

¹⁷ См.: Лазурский А.Ф. Программа исследования личности // Вестн. психологии. 1904. Вып. 9. С. 686-709.

¹⁸ См.: Россолимо Г.И. Психологические профили. Метод количественного исследования психических процессов в нормальном и патологическом состояниях. СПб., 1910.

¹⁹ Спор о детерминантах преступности, как отмечается в современных историко-правовых исследованиях, в дореволюционный период велся постоянно, а поэтому в большинстве монографий и учебников по уголовному праву (С.В. Познышев, 1912; А.А. Пионтковский, 1914 и др.) главы строго юридико-догматического характера соседствуют с главами об индивидуальных (антропологических), социальных, экономических и даже космических факторах преступности. См., напр.: Иванов Л.О. Формирование социологической школы уголовного права в России и развитие отечественной уголовно-политической мысли: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1982. С. 9-10.

²⁰ См.: Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 25-26.

схеме анализа, где центральным звеном выступает субъект преступного деяния и его отношение к преступлению и наказанию. При трансформации законодательства считалось важным учесть психологические закономерности феноменов свобода воли и ответственность, покаяние и исправимость (юридическая и (или) нравственная) личности преступников.

В-третьих, в связи с накоплением в России уже к концу XIX века передового опыта в исправлении и патронате над малолетними правонарушителями²¹ начали развиваться теория ювенальной юстиции и разрабатываться психолого-педагогические средства воздействия, опережающие мировую практику²².

Среди отмеченных тенденций подробнее рассмотрим третью. Это представляется важным в связи с тем, что до настоящего времени, с одной стороны, в учебниках по истории возрастной и педагогической психологии (А.А. Никольская, 1995), а также детской психологии (Т.Д. Марцинковская, 1998) о психологических подходах к разработке теории и психопрактики исправительно-воспитательной работы с малолетними правонарушителями речь вообще не ве-

дется, с другой стороны, после решения Минобрнауки России, принятого в феврале 2010 г., о вводе новых государственных образовательных стандартов по высшему психологическому образованию будут готовиться специалисты по специальности «Педагогика и психология девиантного поведения».

Как известно, благодаря принятию в России в 1864 г. «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» в стране стали активно создаваться различные виды исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей. К 1900 г. их было 45, причем в городах они носили название приютов, а в сельской местности — земледельческих колоний²³. В этот исторический период благодаря трудам таких ученых, как А.Я. Герд, А.М. Богдановский, Д.А. Дриль, А.Ф. Кистяковский, Д.А. Тальберг, была теоретически доказана²⁴, а опытной исправительной практикой таких организаторов и педагогов, как М.П. Беклешев, Д.В. Краинский, В.М. Левитский, Н.А. Окунев, П.И. Ровинский, братья Н.В. и К.В. Рукавишниковы, М.Н. Капустин, А.Д. Ушинский, и многих других подтверждена бесперспективность борьбы с преступностью не-

²¹ См.: Беляева Л.И. Правовые, организационные и педагогические основы деятельности исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1995.

²² На имеющийся в тексте вывод представляется важным обратить внимание и в связи с тем, что и в недавно изданных фундаментальных трудах по истории отечественной дореволюционной возрастной и педагогической психологии (А.А. Никольская, 1995), а также детской психологии (Т.Д. Марцинковская, 1998) о психологических подходах к разработке теории и психопрактики исправительно-воспитательной работы с малолетними правонарушителями речь вообще не ведется.

²³ Самыми крупными учреждениями являлись Петербургская колония на 200 человек, основанная А.Я. Гердом, а среди приютов — Московский, основанный братьями Рукавишниковыми, имевший население не менее 120 человек. Цит. по: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: монография. Домодедово, 1998. С. 51.

²⁴ См.: Герд А.Я. Избр. пед. труды. М, 1953; Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

совершеннолетних лишь применением репрессивно-наказательных мер и одновременно предложено строить в их отношении уголовную политику преимущественно в превентивно-исправительном ключе²⁵.

В дореволюционный период было проведено 8 съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников. На них, где наряду с практическими работниками всегда присутствовали видные ученые, писатели, религиозные деятели, меценаты, правительственные чиновники, активно проводился обмен опытом в области патроната и эффективного использования различных средств исправления (режим и дисциплина, труд и образование, воспитательная и религиозная работа, развитие системы самоуправления и др.). Особо следует отметить, что на VIII съезде, состоявшемся в 1911 г., в повестку дня был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы девиантных детей²⁶.

Изучением эффективности различных направлений и средств преодоления асоциальности несовершеннолетних преступников (причем на основе опыта как России, так и зарубежных стран)

активно занимался ряд видных отечественных юристов (А.Ф. Кистяковский, Д.А. Дриль, П.И. Люблинский, М.Н. Гернет, С.В. Познышев и др.)²⁷. В итоге была обоснована прежде всего целесообразность специального законодательства и особой институализации правоприменительной практики. Это было реализовано в ряде законов: «Об изменении форм и обрядов судопроизводства в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников» (1897), «Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909) и др. Однако со стороны ученых — представителей других областей гуманитарного знания доказывалась, а педагогами-практиками опытно подтверждалась возможность не доводить асоциальных подростков до «сетей традиционной тюрьмы». Основанием для подобной позиции служила динамично развивавшаяся в тот исторический период в России система патроната над данной категорией правонарушителей²⁸.

Компаративный анализ концептуальных идей и средств психолого-педагогического воздействия на несовершеннолетних правонарушителей, созданных в дореволюционной России и в мире, свидетельствует о том, что

²⁵ См.: Беляева Л.И. Опыт прошлого стоит изучать // Проблемы теории наказания и его исполнения в новом уголовном и уголовно-исполнительном кодексах (к 75-летию Н.А. Стручкова) / под ред. В.И. Селиверстова: материалы науч.-практ. конф. (февраль 1997 г.). М., 1997. С. 55.

²⁶ Подробнее см.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: тезисы докл. участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88-91.

²⁷ Хотелось обратить особое внимание на то, что А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских) и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом) пришел к выводу о том, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната, социальной помощи) по выходу из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

²⁸ См.: Беляева Л.И. Патронат в России (XIX-начало XX в.). М., 1996.

отечественные подходы были весьма прогрессивны. Так, в России психологически достаточно глубоко были проработаны теоретические концепты о нерасчленимой биосоциальной природе отклоняющегося поведения (В.М. Бехтерев), об усвоении девиантного поведения через механизмы стигматизации и импрессинга (П.Ф. Лесгафт), о возможности генеалогического предупредительного воспитания с коррекцией вредных привычек и асоциальных тенденций в личности подростка (И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев и др.), а также нравственно-исправительного воздействия на малолетних преступников в специальных учреждениях (К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, Д.А. Дриль и др.). С учетом достижений в превентивно-исправительной практике нами поддерживается мнение профессора С.А.Завражина о том, что в предоктябрьский (1917 г.) период «у нас конституировалось особое научно-опытное направление — предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которое интегрировало знания комплекса гуманитарных и естественных наук (юриспруденции, педагогики, психологии, биологии, физиологии, медицины, социологии) и обладало следующими генеральными параметрами: социальной ангажированностью (теснейшей связью с конкретной социокультурной ситуацией), практикологичностью (преобладанием практикоориентиро-

ванных подходов), педоцентрической и гуманистической направленностью»²⁹.

О прогрессивности взглядов отечественных ученых свидетельствовала их авторитетность на международных криминалистических и пенитенциарных конгрессах³⁰. Уже в начале XX века обосновывались и юридико-психологические идеи, которые опережали свое время: отмена смертной казни (А.Ф. Кистяковский, С.И. Викторовский, Н.С. Таганцев, А.Ф. Кони, Н. Евреинов и др.); введение институтов «исполнительных судей», «условного осуждения», «условно-досрочного освобождения» (С.К. Гогель, А.А. Жижиленко, А.А. Пионтковский); построение гуманного обращения с заключенными (С.К. Гогель, Д.А. Дриль и др.)³¹.

Касаясь второго периода масштабных правовых реформ в нашей стране, который приходится на первое десятилетие советской власти, следует отметить, что в силу поставленной задачи — выработать новую, отличную от буржуазной правовую политику государства и принять законодательство, реализующее модель «социальной защиты», — были созданы условия для продолжения междисциплинарных научных дискуссий, широкой опытной апробации инновационных юридико-психологических идей и специальных психотехнических средств.

О реальной востребованности науки с первых дней новой власти свидетельствуют мемуары руководителей

²⁹ Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: монография. М., 1996. С. 111.

³⁰ См.: Малинин Н.Ф. Постановления шести международных тюремных конгрессов и систематический указатель к ним // Тюремный вестн. 1904. № 9. Приложение; Беляева Л.И. Международный союз криминалистов и его русская группа // Совершенствование правового регулирования исполнения уголовных наказаний в условиях реформы уголовно-исполнительной системы: тр. Академии управления МВД России. М., 1997.

³¹ См.: Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования (1879-1914) // Тюремный вестн. 1914. № 2. С. 284-397.

возникшего тогда Наркомата юстиции П. Стучки и Е.Б. Пашуканиса. Так, Е.Б. Пашуканис писал: «Когда в первые дни после Октябрьской революции мы встали перед необходимостью сломать старую судебную машину... возник вопрос, в чем же будет заключаться отправление правосудия новыми судами и на чем это правосудие будет основываться... Чтобы выйти из этого положения и ответить на поставленный вопрос, надо было иметь какую-то общую теорию права, и она была предложена; к сожалению, это была не марксистская концепция права, но позаимствованное у Петражицкого психологическое учение об интуитивном праве»³². В итоге в соответствии с Декретом о суде № 1, утвержденном Совнаркомом РСФСР 22 ноября 1918 г., отменялись «законодательства свергнутых правительств», а при организации деятельности новых советских судов во главу угла была поставлена идея «революционного интуитивного правосознания», обоснованная еще в дореволюционный период марксистски ориентированным ученым М.А. Рейснером³³. В итоге из-за игнорирования в судебной практике социально-психологических реалий, то есть наличия в тот исторический период одновременно различных видов правосознания (пролетарского, крестьянского, буржуазного и т.д.), так как к реализации правосудия были при-

влечены представители всех слоев общества, и их ориентации не на нормативные акты центральной власти, а на «одинаковое значение наряду с законом житейских соображений справедливости, то есть чисто психологические переживания судей и участников суда»³⁴, произошел коллапс в деятельности судов.

Приведенный пример убедительно свидетельствует о том, насколько серьезные проблемы могут возникать при формализованном подходе к использованию юридико-психологических идей. Как следствие, Наркомюсту, как отмечает в своих воспоминаниях П. Стучка, пришлось срочно осуществлять «коррекцию правовой системы сверху» и включать в Декрет № 2 в качестве главного термина «социалистическое правосознание»³⁵. Однако его теоретическая неразработанность, в том числе в аспекте соотносительности с узловыми дефинициями судопроизводства — «вменяемость», «умысел», «неосторожность», «соучастие» и другими — в последующем заставили вносить в нормативные акты новые изменения. Для этого уже прибегли к услугам компетентной дореволюционной профессуры. Она же была нужна и для проведения образовательно-правового ликбеза среди сотрудников Наркомюста.

В качестве примера востребованности ученых Наркомюстом приведу

³² См.: Пашуканис Е.Б. Марксистская теория права и строительство социализма // Избранные произведения по общей теории права. М., 1980. С. 182-183.

³³ М.А. Рейснер рассматривал право как социальный феномен, имеющий прежде всего психологическую природу, а классовое правосознание объявлял если не единственной, то основной формой существования права. В итоге данный ученый, оттолкнувшись от концепции Петражицкого, по сути дела, доказывал, что классовая психика всегда будет находиться в оппозиции и даже приходить «в столкновение с правом позитивным, то есть официальным». См.: Рейснер М. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 158.

³⁴ Материалы НКЮ. Вып. II. М., 1918. С. 31-32.

³⁵ См.: Стучка П. Революционная роль права и государства. М., 1921.

обнаруженный в архиве один из тематических планов учебных занятий, реализованных в данном ведомстве после инноваций в уголовно-исполнительном законодательстве. Утвержденный приказом в 1925 г., он обязывал весь персонал Главка (Главного управления мест заключения), а также руководство московских подразделений посещать 2 раза в неделю запланированные занятия (4 часа в будни и до 6 часов в воскресенье), которые проводились преимущественно учеными по следующим разделам:

- «Учение о причинах преступности» (проф. М.Н. Гернет);
- «Основы пенитенциарной науки» (проф. М.М. Исаев);
- «Криминальная психология» (проф. Е.К. Краснушкин);
- «Психология лишенного свободы» (проф. М.Н. Гернет);
- «Общие основы психологии и их применение к изучению поведения преступника» (зав. Психологической клиники 1-го МГУ А.Е. Петрова);
- «Основные начала культурно-просветительной работы в местах заключения» (нач. культурно-воспитательной части ГУМЗ Ю.Ю. Бехтерев)³⁶.

Как видим, из списка 6 утвержденных к изучению разделов более половины были психологическими и не только носили теоретический характер, но и обеспечивали психотехническую компетентность.

Проведенный библиографический анализ свидетельствует, что уже в 1918 г. по инициативе Петроградского Совета было создано особое учреждение—Петроградский криминологический каби-

нет, сотрудники которого должны были изучать состояние и тенденции в развитии преступности, разрабатывать рекомендации по диагностике личности преступника и профилактике преступлений. Идея о целесообразности создания таких многофункциональных научно-опытных учреждений (кабинетов, юридических клиник, лабораторий) нашла горячую поддержку властей во многих регионах, и прежде всего в крупных городах—Москве, Минске, Баку, Ростове-на-Дону, Харькове, Одессе и др. Следует отметить, что деятельность большинства указанных учреждений включала в себя разработку юридико-психологических проблем. И хотя эти учреждения просуществовали всего 7-10 лет, работавшими в них учеными собран богатейший эмпирический материал и сделаны теоретико-прикладные обобщения по следующим направлениям: 1) совершенствование методики изучения личности преступников (Н.А. Рыбников, 1926; Н.В. Петровский, 1926; А.Н. Леонтьев, 1928; Л.И. Айхенвальд, 1928 и др.); 2) составление психологических портретов конкретных категорий преступников: детоубийц (М.Н. Гернет), конокрадов (Н. Гедеонов, Р.Е. Люстерник), хулиганов (Т.Е. Сегалов, 1926; К.И. Платонов, З.И. Чучмарев, 1927), насильников (Н.П. Бруханский), поджигателей (Т.Е. Сегалов, 1927), убийц корыстных и убийц из мести (И.И. Станкевич); 3) отношение осужденных к приговору (А.И. Зинев, 1927 и др.) и влияние мест лишения свободы на личность преступника (О.М. Купер, 1924; А.М. Халецкий, 1930 и др.); 4) субкультура в криминальных сообществах и в среде

³⁶ См.: ЦГАОР СССР. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 252. Л. 300, 302.

осужденных (И.Н. Виноградов, 1927; Е.И. Френкель, 1927 и др.); 5) детекция лжи в свидетельских показаниях (А.Р. Лурия, 1927); 6) проведение судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз (А.Е. Брусиловский, Е.К. Краснушкин и др.).

Наметившаяся в России в середине 1920-х годов тенденция к росту преступлений требовала повышения уровня научного осмысления причин и механизмов преступности, а также разработки обоснованных комплексных мер по ее предупреждению и снижению рецидива. В связи с этим выдвинутая Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР инициатива о создании специализированного общереспубликанского уровня научно-практического учреждения нашла поддержку в Совнаркоме, постановлением которого в марте 1925 г. при НКВД РСФСР был создан Государственный институт по изучению преступности и преступника³⁷. Однако, чтобы деятельность последнего носила межведомственный характер, в состав его руководства были введены представители Наркомюста, Наркомздрава и Наркомпроса, а в положении об институте, согласованном на уровне четырех указанных ведомств, определены следующие цели данного учреждения:

1) выяснение причин и условий, вызывающих или благоприятствующих

развитию преступности вообще и отдельных преступлений в частности;

2) изучение успешности применяемых методов борьбы с преступностью и отдельных мер социальной защиты;

3) разработка вопросов уголовной политики, в частности пенитенциарной;

4) разработка системы и методов изучения заключенных и пенитенциарного воздействия на них;

5) изучение отдельных лиц, представляющих интерес для выяснения явления преступности;

6) изучение влияния отдельных мер исправительно-трудового воздействия на заключенных.³⁸

Для проведения исследовательской работы институт мог организовывать специализированные кабинеты, лаборатории, клиники. Реализация подобной возможности со временем привела к тому, что в структуре института появилось 4 филиала (в Москве, Ленинграде, Саратове и Ростове-на-Дону), а также Экспериментальное пенитенциарное отделение (ЭПО).

Если более подробно остановиться на деятельности ЭПО, то из-за создания его на базе практического органа, а также набора сотрудников из числа ученых-исследователей³⁹ данное учреждение могло решать ставящиеся перед ним задачи комплексно⁴⁰. Так, по инициативе сотрудников ЭПО была подготовле-

³⁷ См.: ЦГАОР. Ф. 4042. Оп. 2. Д. 75. Л. 120.

³⁸ См.: Там же. Д. 454. Л. 167.

³⁹ Согласно архивным данным, образовательный уровень сотрудников созданного в 1926 г. ЭПО был следующим: из 21 человека, зачисленного на должность наблюдателя, все имели высшее образование, в том числе. 6 чел. — юридическое, 4 — медицинское, 7 — историко-философское, 4 — педагогическое (См.: ЦГАОР. Ф. 4042. Оп. 4. Д. 7132. Л. 5-49). В состав учрежденной при ЭПО комиссии по культурно-просветительной части входили такие видные специалисты в области пенитенциарного дела, как М.Н. Гернет, Ю.Ю. Бехтерев, Б.С. Утевский и др. (См.: ЦГАОР. Ф. 4042. Оп. 5. Д. 132. Л. 3).

⁴⁰ В ЭПО как опытно-лабораторном учреждении были организованы все виды ИТУ и общежитие патрона для лиц, освобожденных из отделения, что позволяло быстро и всесторонне проверять эффективность любого пенитенциарного нововведения.

на, а затем Главным управлением мест заключения утверждена Инструкция по методике и тактике изучения личности заключенных. В ней для изучения личности заключенных рекомендовалось использовать комплекс методов: изучения материалов личного дела заключенного; опроса; автобиографический; объективного наблюдения и естественной записи; медицинского исследования; тестирования⁴¹. Согласно рекомендациям ЭПО собираемые материалы должны были фиксироваться в специальных видах учетных листков (первичного и вторичного обследования), отражавших результаты социально-психологического исследования и медицинского освидетельствования заключенного, а также служить основой рекомендаций в его отношении по труду, лечению, обращению и воздействиям в ходе заключения⁴².

Государственный институт по изучению преступности и преступника, а также его 4 филиала фактически были ликвидированы в 1931 г., так как произведенная реорганизация данного заведения в Институт уголовной и исправительно-трудовой политики практически блокировала многоплановость в исследовательской деятельности, а инновационная психопрактика в местах лишения свободы подгонялась под модель ГУЛАГа, массово утверждаемую с 1929 г. В отношении судеб дореволюционной профессуры трагичные события наступили даже раньше, ибо многие из них были дискредитированы в рамках посто-

янно шедших не научных, а партийных дискуссий, где часто вердиктом выступало их обвинение в «биологизаторском уклоне» или в «психиатрической интервенции». Как это происходило, можно узнать из монографических работ, появившихся в постсоветский период⁴³.

Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса несовершеннолетних правонарушителей является психолого-педагогическая система А.С. Макаренко. Она базировалась на идее перевоспитания, реализуемой на основе всестороннего изучения личности правонарушителей, воспитывающего влияния труда, коллектива и гуманных взаимоотношений между воспитателем и воспитуемыми. Проведенные компаративные исследования свидетельствуют о том, что в мире ничего более масштабного, чем система А.С. Макаренко, которая оказала позитивное воздействие на судьбу более чем трех тысяч беспризорников и правонарушителей, причем без случаев рецидива, не было. В связи с этим представляется не случайным, что Германия, создавая практику ресоциализации несовершеннолетних преступников, предоставила значительные гранты всем исследователям наследия А.С. Макаренко, а в итоге выпустила 20-томное издание его трудов. Вклад Германии в мировой менеджмент в виде модели «бригад результативности», представляется, во многом связан и с творческой переработкой и идей А.С. Макаренко.

⁴¹ См.: ЦГАОР. Ф.4042. Оп. 4. Д. 7132. Л. 61-63.

⁴² См.: Там же. Д. 64. Л. 4, 6.

⁴³ См.: Кузьмин С.И. Становление и развитие исправительной (пенитенциарной) педагогики // Исправительная (пенитенциарная) педагогика. Рязань, 1996. С. 63-65. Мелентьев М.П., Жарый В.Д. О причинах ликвидации Всеукраинского кабинета // Становление и развитие исправительно-трудового законодательства Украинской ССР. Домодедово, 1989 С. 71-72.

Для сравнения, в России до сих пор научный и литературно-творческий вклад А.С. Макаренко представлен лишь в 8 томах, изданных в 1950-е годы Академией педнауки.

Следует отметить, что на перспективность идей А.С. Макаренко для развития современной психологии постоянно обращается внимание в трудах ИП РАН и РАО⁴⁴. Однако в канун его 120-летия со дня рождения не было значимых мемориальных акций, лишь издана одна монография, которую подготовили сотрудники НИИ ФСИН России⁴⁵. А ведь кроме А.С. Макаренко, конструктивные методики воспитательной работы с делинквентными подростками в 1920-е годы были научно обоснованы и реализованы такими видными отечественными учеными, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.Н. Сорока-Росинский.

В качестве факта признания отечественным научным сообществом реальных теоретических и прикладных достижений в области юридической психологии можно расценивать то, что на проводившемся в 1930 г. I Всесоюзном съезде по изучению человека особо отмечены продуктивность ее развития и перспективность психотехнических разработок для дальнейшего совершенствования правового регулирования⁴⁶. Основания для по-

добного вывода базировались на наличии к тому моменту и ряда фундаментальных трудов, в частности книг С. Бройде «В советской тюрьме» (1923), В.И. Кутафина «Малолетние преступники» (1924), К.И. Сотонина «Очерк криминальной психологии» (1925), А.Я. Канторовича «Психология свидетельских показаний» (1925), монографий С.В. Познышева «Криминальная психология: Преступные типы» (1926) и М.Н. Гернета «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» (1927), обобщающих научно-методических публикаций Ю.Ю. Бехтерева «Изучение личности заключенного» (1928), А.Р. Лурия «Экспериментальная психология в судебном деле» (1928), А.Е. Брусиловского «Судебно-психологическая экспертиза» (1929). В итоге период 1920-х годов для юридической психологии представляется своеобразным «серебряным веком»⁴⁷. Заметьте, это происходило тогда, когда Л.С. Выготским (1927) был вынесен вердикт о кризисе в мировой психологии.

В последующие более чем три десятилетия отечественной истории многоплановое развитие юридической психологии было заблокировано. И это связано не только с первой и другими «волнами репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х го-

⁴⁴ См., напр: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории/ под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392-398.

⁴⁵ См.: Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М.: НИИ ФСИН России, 2006.

⁴⁶ Подробнее см.: Петровский А.В. История советской психологии: Формирование основ психологической науки. М., 1967; Курилин С.К. История развития судебной психологии в СССР: автореф. дис. ...канд. психол. наук. М., 1972. С. 21-22.

⁴⁷ Правомочность подобного вывода подтверждается позитивной оценкой состояния и роли юридической психологии, которую ей дал Л.С. Выготский в своей статье «Исторический смысл психологического кризиса» (1927), когда подчеркивал, что она наряду с психотехникой, психиатрией, детской и рядом других прикладных областей психологии может способствовать перестройке всей психологической науки и преодолению существовавшего в ней в тот период методологического кризиса. См.: Выготский Л.С. Собр. соч.: в 8 т. М., 1982. Т. 1. С. 387.

дах)⁴⁸, но и с особенностями правотворчества и правоприменения в тот период. В ряде публикаций мне уже пришлось аргументированно доказывать, что не было полного прерывания в развитии юридической психологии. Более того, материалы фокус-интервью, проведенных с 35 видными учеными, внесшими вклад в возрождение юридической психологии в 1960-1970-е годы, свидетельствуют о латентном обсуждении ее проблем юристами и отражении ее прежде всего в трудах по истории правовых учений и в обзорах по зарубежной практике правоприменения. Как следствие, после развенчания культа личности в 1956 г. в трудах юристов появились аналитические обобщения достигнутого в истории права и актуализировалась востребованность достижений юридической психологии.

В 1960-е годы возрождение юридической психологии началось с дискуссии о ее научно-предметном статусе (Ю.В. Ивашкин, М.С. Строгович, Л.М. Корнеева, И. Кэртес, С.С. Ордынский, А.В. Ярмоленко и др.). Стали проводиться эмпирические исследования, причем преимущественно в области проблем следственной, судебной и пенитенциарной психологии (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, И.К. Шахриманян, А.Г. Ковалев, А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков и др.). Однако малочисленность специалистов-психологов⁴⁹ и в целом обстановка в юридическом сообществе страны еще не позволяли полноценно

развернуть исследования по всему комплексу юридико-психологических проблем (особенно теоретического уровня). В этот период, например, авторитетно-статусный криминолог И.И. Карпец активно проводил идею о необходимости «решительно возразить против психологизации уголовного права», так как по его мнению, «психологические обобщения в широком плане могут привести в болото биопсихологических теорий»⁵⁰. Однако, несмотря и на попытки блокировать развитие юридической психологии, постепенно возрастал социальный заказ от юристов, причем преимущественно на психологическое обеспечение правоприменения.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 6 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывалось на целесообразность расширенного проведения судебно-психологической экспертизы. После принятия в 1964 г. Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» в 1965-1966 гг. в юридических вузах началось преподавание общей и юридической психологии. С учетом растущей востребованности знаний по юридической психологии на III и IV съездах Общества психологов СССР (1968 и 1971 гг.) были проведены специализированные секции, а в 1971 г. Всесоюзная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы судебной психологии».

⁴⁸Подробнее см.: Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994. С. 143-160.

⁴⁹Из известных психологов старшего поколения активное участие в возрождении различных областей юридической психологии, кроме А.Г. Ковалева, приняли А.В. Ярмоленко (одной из первых попыталась дать классификацию узловых проблем) и К.К. Платонов (разрабатывал проблему правовых и нравственных способностей).

⁵⁰Карпец И.И. О методологии в уголовном праве и криминологических исследованиях // Сов. гос-во и право. 1964. № 4. С. 45.

Необходимость разработки комплексной теории права и решения прикладных проблем правоприменения обусловили создание в 1968 г. во ВНИИ Прокуратуры СССР психологического отдела (руководитель проф. А.Р. Ратинов), а также введение в 1971 г. Госкомитетом по науке и технике при Совете Министров СССР в реестр научных психологических специальностей (под номером 19.00.06) направления «Юридическая психология». Первые докторская и кандидатская диссертации защищены в 1976 г. в специализированном ученом совете, созданном в Академии МВД СССР (соответственно К.И. Шахриманьяном «Психология деятельности следователя» и Е.А. Пономаревой «Социально-психологическая характеристика личности начальника отряда исправительно-трудовой колонии»). Ранее кандидатские диссертации по юридико-психологической специальности защищались в иных, непрофильных диссертационных советах в ведущих московских и ленинградских вузах.

В начале 1970-х годов в воспитательных колониях был начат эксперимент по введению неаттестованных должностей психологов. Среди психологов-практиков специфику и затруднения в их деятельности в своей публикации «Психолог ВТК» подробно раскрыли И.П. Башкатов, Л.С. Саблина (1977).

Первая кафедра юридической психологии возникла в Академии МВД СССР (1974 г., начальник профессор А.П. Краковский). В тот же период в Рязанской высшей школе МВД СССР создана кафедра исправительно-трудовой педагогики и психологии была (руководитель И.И. Купцов).

Библиографический анализ публикаций свидетельствует о том, что в 1970-1980-е гг. развитие юридической психологии шло преимущественно через расширение эмпирических исследований и обоснование конкретных направлений развития:

- *методолого-теоретические основы юридической психологии* (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, М.И. Еникеев, А.М. Столяренко, М.В. Костицкий и др.);

- *психологическое обеспечение правового регулирования и превенции правонарушений* (А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова, Ю.И. Новик, С.А. Беличева, О.Д. Ситковская, А.М. Яковлев и др.);

- *изучение психологических механизмов криминализации личности и совершения конкретных видов преступлений* (А.Г. Ковалев, Г.М. Миньковский, Ю.М. Антонян, Л.В. Алексеева, В.В. Гульданд, С.Н. Ениколопов, Т.Н. Курбатова, В.Ф. Пирожков, А.Н. Пастушеня, Е.Г. Самовичев и др.);

- *психологическое обеспечение следственной и оперативно-розыскной психологии* (А.Р. Ратинов, А.В. Дулов, К.И. Шахриманьян, В.Л. Васильев, Ф.В. Глазырин, Н.Л. Гранат, Е.В. Коновалова, Д.П. Котов, М.И. Еникеев, Г.Г. Шиханцов, Л.Б. Филонов, В.А. Данилов, О.Г. Ковалев, И.Б. Пономарев, Ю.В. Чуфаровский, Ю.Ю. Юстицкий и др.);

- *совершенствование судебно-психологической экспертизы и судебной деятельности* (А.В. Дулов, В.В. Романов, М.М. Коченов, И.А. Кудрявцев, Б.Д. Лысков, Т.В. Сахнова, В.Ф. Енгальчев, Л.П. Коньшева, О.Д. Ситковская, Ф.С. Сафуанов и др.);

- *изучение личности и среды осужденных* (А.Д. Глоточкин, В.Ф. Пирожков, И.П. Башкатов, В.Г. Деев, М.Г. Деболь-

ский, А.И. Папкин, А.Н. Сухов, А.И. Ушатиков, А.И. Мокрецов, В.А. Москаленко, Е.В. Петухов, В.М. Поздняков и др.);

• *психологического обеспечения деятельности сотрудников различных правоохранительных органов* (А.М. Столяренко, В.Л. Васильев, М.И. Марьин, Н.В. Андреев, И.О. Котенев, В.С. Медведев, В.М. Поздняков, В.Ю. Рыбников, В.П. Трубочкин, Ю.А. Шаранов и др.);

• *психология управления в правоохранительных органах* (А.И. Китов, А.М. Столяренко, В.А. Бакеев, А.И. Папкин, В.И. Черненилов, А.Г. Шестаков и др.).

Возникновение в начале 1990-х годов психологической службы в МВД России и ее интенсивное развитие (особенно в системе органов и учреждений, исполняющих наказания) обусловили открытие уже мае 1990 г. психологического факультета в Рязанской высшей школе МВД СССР. Нехватка кадров психологов решалась и через курсы переподготовки сотрудников правоохранительных органов, созданные как в других ведомственных, так и в гражданских вузах. Многоплановость и сложность процесса подготовки и профстановления юридических психологов привела к защите ряда кандидатских и одной докторской диссертации (В.Ф. Енгальчев, 2007).

Институализация психологов не только в структуре Министерства внутренних дел, но и в других правоохранительных органах значительно расширила проблематику эмпирических исследований. «Психологов в погонах» сегодня насчитывается более 3 тыс. в МВД России, 3,5 тыс. во ФСИН России, сотни человек — в других правоохрани-

тельных органах. Наиболее многопланово в организационно-структурном плане выстроена и достаточно эффективно действует психологическая служба в системе органов и учреждений исполнения наказаний. На уровне управлений ведомства функционируют два специализированных отдела, научно-методическое обеспечение профдеятельности психологов с осужденными и сотрудниками ФСИН России осуществляют 12 межрегиональных психологических лабораторий, а подготовку кадров специалистов ведут психологические факультеты в двух вузах — Академии права и управления и Вологодском институте права и экономики ФСИН России. В более многофункциональной и значительно большей по численности системе МВД России подготовка будущих психологов ведется на факультетах трех ведомственных университетов.

Социально-экономическая и правовая реформы, непрерывно происходящие в постсоветской России, актуализировали разработку таких проблем, как психология правотворчества и психологическая экспертиза законов и нормативных правовых актов; психология формирования правовой культуры и предупреждения преступности; психология гражданского судопроизводства и деятельности суда присяжных; психотехнологии ресоциализации осужденных и постпенитенциарной реабилитации лиц, отбывших наказания; экстремально-психологическая помощь и психологическое сопровождение личного состава правоохранительных органов, несущих службу в зоне локальных конфликтов; психологическое обеспечение борьбы правоохранительных органов с терроризмом. Сегодня результаты раз-

ноплановых исследований по указанной и иной юридико-психологической проблематике нашли отражение в десятках изданных монографий и учебных пособий, в многочисленных статьях в научных журналах. В связи с этим представляется закономерным то, что с 2010 г. в перечне журналов ВАК наряду с журналами «Юридическая психология» и «Психопедагогика в правоохранительных органах» появилось третье легитимное издание — «Прикладная юридическая психология».

На сегодняшний день по научной специальности «юридическая психология» защищено более 20 докторских и 200 кандидатских диссертаций. Радует, что к исследованиям юридических психологов постоянно растет интерес академической науки. На состоявшемся IV съезде РПО (Ростов-на-Дону, 2007) работало три специализированные секции юридических психологов, причем с достаточно панорамным перечнем обсуждаемых проблем. Вдохновляет то, что достаточно высокие оценки научного общества (прежде всего, юридического!) получили разработанные психологами частные теории, в том числе «превентивной психологии» (С.А. Беличева, 1989), «психологии уголовной ответственности» (О.Д. Ситковская, 1998), «криминогенной сущности личности» (А.Н. Пастушеня, 2000), «соучаствующего исправления личности осужденного» (В.М. Поздняков, 2000), «психологического прогнозирования надежности специалистов экстремального профиля» (В.Ю. Рыбников, 2000), «психодинамики личности в экстремальных условиях» (Д.В. Сочивко, 2004), «психологического обеспечения деятельности сотрудников правоохранительных органов»

(М.И. Марьин, 2004), «психологии безопасности и психовиктимологического сопровождения сотрудников правоохранительных органов» (А.И. и И.А. Папкины, 2005, 2006), «психологии девиантного поведения» (Е.В. Змановская, 2006), «психологии субъекта преступления» (Л.В. Алексеева, 2007), «совершенствования судебно-психологических экспертиз» (Ф.С. Сафуанов) и др.

Проведенный нами социально-исторический и компаративный анализ позволяет в качестве основных детерминант развития отечественной юридической психологии, действовавших в 1990-е гг. и в первое десятилетие XXI века, выделить следующие: 1) социокультурные; 2) собственно научные (дисциплинарные); 3) субъектно-институциональные. Рассмотрим, каково их влияние на научное поле юридической психологии.

Изменения в России, происходившие в последние десятилетия, актуализировали выход на методологию «неклассической психологии», где главным принципом является осознанное вмешательство в жизнь (А.Г. Асмолов, 2002). Ответом юридических психологов стало обоснование важности реализации при дальнейшем развитии своей научной отрасли и области психопрактики наряду с ранее доминировавшим объектно-деятельностным подходом также «субъектно-соучаствующего». Последний базируется на полноценном учете национально-культурных оснований соучастной жизнедеятельности россиян и уровня их правосознания, а также на идее конструктивного различения сути и разработке специализированного инструментария для работы с идеальными (теоретическими, приклад-

ными, исследовательскими) и реальными (практическими) объектами. В связи с этим в «Энциклопедии юридической психологии» (2003) были представлены методологические принципы, являющиеся как общетеоретическими (А.М. Столяренко), так и специальными при реализации психопрактики в правовой сфере (В.М. Поздняков).

По-прежнему крайне мало докторских диссертационных работ фундаментального характера. В кандидатских исследованиях методолого-теоретические основы или опираются на аппарат из общей, социальной, возрастной либо других фундаментальных отраслей психологии, или ориентируются на подходы из зарубежного опыта. Подобная практика часто не дает ощутимого приращения знаний по сложным феноменам права, так как во многих случаях требуется междисциплинарный подход. Именно таким образом формируют социальный заказ в отношении психологии современные юристы. Так, в книге В.Г. Тарасенко «Постулаты права» (2009) подчеркнуто, что современные «исследования в области антропологии, психологии, медицины, социологии и других наук о человеке, несмотря на множественный характер гипотез, в принципе последовательно указывают на то, что мы, по всей видимости, приближаемся к фундаментальным характеристикам права, человеческого сообщества»⁵¹. При этом достижения психологии, по мнению В.С. Горбаня (2009), весьма востребованы в решении проблемы проектирования новых законов и определения эффективности действующего законодательства⁵².

Следует критично отметить, что до настоящего времени недостаточно активно развивается такой раздел юридической психологии, как правовая психология. Однако именно ее наработки важны для других разделов и направлений данной науки, а также для мониторинга становления и развития в российском обществе правовой культуры и правосознания, формирования у сотрудников правоохранительных органов корпоративно-профессиональной ментальности и юридико-психологической компетенции. Кроме того, отсутствие исследований по понятийно-категориальному аппарату юридической психологии (причем одновременно используемому и юристами, и психологами) ограничивает участие специалистов-психологов в проведении комплексной экспертизы законов и нормативных правовых актов. В качестве позитивного момента отмечу лишь конструктивность опыта дискуссий пенитенциарных психологов в середине 1990-х годов с работниками Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Как следствие, данный законодательный акт признается одним из наиболее психологизированных, с четкой фиксацией в нем как необходимости осуществления воспитательной работы с осужденными с использованием психолого-педагогических средств (ст. 110 УИК РФ), так и права осужденных обращаться за психологической помощью к специалистам-психологам ч. 6¹ ст. 12 УИК РФ).

Один из путей расширения диалога с юристами при правотворчестве и совершенствовании правового регули-

⁵¹ Тарасенко В.Г. Постулаты права. М., 2009. С. 109.

⁵² См.: Горбань В.С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.

рования — объединение усилий квалифицированных психологов и юристов в подготовке «психологических комментариев» по действующему законодательству. Имеется, к сожалению, лишь позитивный опыт профессора О.Д. Ситковской, издавшей в 1998 г. Психологический комментарий к Уголовному кодексу РФ. Кроме того, важным является расширение сотрудничества с академическими психологами, которые с середины нынешнего десятилетия на основе грантов включились в разработку проблемы комплексной гуманитарной экспертизы (С.Н. Братченко, Д.А. Леонтьев, Г.В. Иванченко и др.).

В качестве собственно научных детерминант, предопределявших в 1990-е — первое десятилетие 2000-х годов развитие отечественной юридической психологии, выступили закономерности внутри- и междисциплинарного характера. В итоге наблюдались тенденции как ее дальнейшей дифференциации, так и определенной интеграции. О первой из них наглядно свидетельствуют количество и тематика защищенных в этот период диссертационных работ: при росте в 2,5 и в 1,3 раза числа соответственно кандидатских и докторских диссертаций одновременно значительно расширилась их предметная область, в том числе за счет разработки проблем по таким новым областям, как юридико-экстремальная психология, юридическая конфликтология, психосемантика, психопрактика в правовой сфере. Тенденция интеграции в исследования по юридической психологии проявлялась в меньшей мере, но она признается как приоритетная в дальнейшем развитии данной науки и комплексном применении ее разработок в правовой практике

(А.Р. Ратинов, 1998; А.М. Столяренко, 1999; В.М. Поздняков, 2000, и др.).

Междисциплинарные влияния на развитие юридической психологии предопределили актуальность решения следующих проблем: 1) упорядочивание ее дисциплинарного поля, то есть определения новых границ как дисциплинарной системы, чтобы в итоге обеспечить гармоничное развитие всех структурных составляющих (теоретической, методической, психопрактической) и реальное объединение юридических психологов; 2) осуществление категориальной рефлексии, чтобы способствовать адекватной психологизации в правотворчестве и правовом регулировании; 3) оценка имеющегося психотехнического инструментария и разработка нового специализированного под конкретные задачи в правовой сфере (психомониторинга, психопрогностики, консультативной и экспертной работы, создания и применения диагностико-коррекционных комплексов для работы с делинквентными и преступными людьми и т. д.).

На уровне житейского сознания часто считают, что введение в традиционный тип организаций новых категорий специалистов автоматически со временем приведет к изменению организационной культуры. Однако при стихийном протекании данного процесса он может носить затяжной и остроконфликтный характер.

Сегодня психологи, работающие в системе правоохранительных органов, многое сделали для создания системы психологического обеспечения деятельности личного состава в экстремальных условиях. Однако их участие в исследованиях по изучению общественного мнения о деятельности правоохранительных орга-

нов (за исключением работ сотрудников НИИ прокуратуры) пока фрагментарно. Если в 1990-х годах были диссертационные работы по проблеме имиджа сотрудников правоохранительных органов, то сегодня при «растущих волнах негатива» (и прежде всего в адрес сотрудников МВД России) данная проблематика затрагивается лишь косвенно. В то же время за рубежом указанная проблема, а также проблемы профдеструкций и профвыгорания сотрудников правоохранительных органов рассматриваются как психовиктомологические, а поэтому осуществляется мониторинг трансформации их профессионально-корпоративной ментальности, межкультурной толерантности, отношения к «превентивно-социальному обслуживанию населения». Проведение данных исследований в России является актуальным, на наш взгляд, в связи как с начавшейся реформой деятельности ряда правоохранительных ведомств, так и при подготовке психологов на новый государственный образовательный стандарт — «Психология служебной деятельности».

Субъектная детерминанта при развитии психологии в 1990-е — первое десятилетие 2000-х годов проявилась и в таком не очень благоприятном явлении, как отставание качественной характеристики психологических кадров от показателей их количественного роста. Изучение практики функционирования психологической службы в правоохранительных органах позволяет полагать, что для обеспечения эффективности ее развития актуальным будет разрешение в перспективе трех групп разноплановых проблем: 1) содержательно-предметной; 2) институциональной; 3) социально-ментальной.

В рамках *первой группы проблем* — содержательно-предметного плана — в качестве ведущей выступает, на наш взгляд, проблема разработки научно обоснованной концепции изучения, прогноза и управления личностно-профессиональным ростом различных категорий сотрудников. В связи с этим актуальны следующие вопросы: 1) создания конструктивной социально-психологической типологии личности сотрудников правоохранительных органов на разных этапах профстановления; 2) адаптация созданных для других целей или разработка новых психодиагностических средств (прежде всего для мониторинга, прогнозирования и коррекции профессиональных деструкций). Решение указанных вопросов может быть успешным лишь при наличии в ведомствах научно-методических центров, где осуществляют разработку и экспериментальную апробацию методического инструментария.

Эффективность реализации со стороны психологов психоконсультативной помощи и психокоррекционной работы остается низкой по ряду причин. Во-первых, из-за недостаточной профессионально-методической подготовленности психологи-практики или вообще отказываются от проведения данной работы, или у некоторых из них вырабатывается позиция, состоящая в том, что с помощью какого-нибудь одного метода или психотехнологии воздействия (например, гештальттерапии, НЛП, психодрамы и т. п.) можно успешно решать все проблемы по изменению личности различных категорий сотрудников. Во-вторых, добровольное участие сотрудников в психокоррекционных мероприятиях (особенно в групповых и мас-

совых формах) ограничено в силу их боязни того, что откровенное раскрытие имеющихся психологических и иных проблем может получить огласку и повлечь за собой последующее углубленное медобследование и даже увольнение со службы.

В целом, для продуктивного решения первой группы проблем — содержательно-предметного характера — представляется актуальным прежде всего регламентировать в организационно-правовом плане и усилить в методическом аспекте психологическое обеспечение конкретных сфер психопрактики в правоохранительных органах. И хотя до настоящего времени в России так и не принят Федеральный закон «О государственной правоохранительной службе», но с учетом зарубежного опыта представляется перспективной консолидация усилий на разработке Кодекса профессиональной этики психологов правоохранительных органов.

Во второй группе проблем — институционального плана — в качестве узловых выступают вопросы повышения должностного статуса психологов, а также оптимизации их оргместа и профессионального статуса среди других подразделений в системе правоохранительных органов, ибо имеющиеся в этой области недостатки предопределяют текучесть кадров психологов.

Если с учетом тенденций, существующих за рубежом в психологическом обеспечении правоохранительной деятельности, осуществить прогноз перспектив развития психологических служб в правоохранительных органах России, то представляется возможным указать на вероятность проявления следующих закономерностей.

** Демистификация деятельности психологов среди личного состава.* Восприятие и отношения к профессиональной деятельности психологов будут становиться все более адекватными, причем и не априорно завышенным и, когда руководители считают их сферой ответственности все «болевые точки» учреждения, и не скептически зауженными, когда им отводится возможность решать лишь частные функции, обслуживающие заказы других специалистов. Адекватность будет возрастать на основе роста у личного состава психологической компетенции, причем как в рамках расширяющейся психологической подготовки, так и через изменение мировоззрения на основе повседневных контактов с психологами.

** Дифференциация областей профессиональной деятельности и специализация психологов.* Статус психологов и психологической службы будет возрастать по мере количественного и качественного роста ее состава, при одновременной дифференциации ее оргструктуры и специализации сотрудников.

** Институционализация психологической службы в пространстве ведомства и психологов в рамках профессиональных ассоциаций.* По аналогии с тенденциями развития психологических служб за рубежом, и в России в других общественных сферах институализация на уровне правоохранительных органов будет выражаться не только в усилении роли соответствующего единого структурного подразделения, но и в развитии при нем соответствующих научно-исследовательского и учебно-методического органов. Профессиональные ассоциации психологов правоохранительных органов, вероятно, будут

складываться или как отделения внутри более широких профессиональных объединений (РПО, Бюро юридических психологов), или по предметной специализации (например, по психодиагностике, психоконсультированию, психокоррекции и психотерапии).

Оценивая состояние современной юридической психологии как науки и области психопрактики в целом, все же следует критично отметить, что до сих пор нет должной взаимосопряженности в развитии ее основных структурных составляющих — теории, метода и психопрактики. Для обеспечения их гармоничного развития представляется важным начать междисциплинарную дискуссию, с вовлечением в нее только представителей академической психологии и смежных наук.

В заключение хотелось бы привести слова известного философа Ортеги-и-Гассета: «Прошлое не может научить нас, как поступать в будущем, но оно может научить не допускать имевших место ошибок». Наверное, главная из них связана с сохраняющейся тенденцией преимущественного развития юридической психологии по «внешне заданному», а требуется активно утверждать накопленный потенциал как в своей области знания, так и в целом мировой психологией. Это крайне важно в связи с наблюдающимся сегодня расширенным востребованием достижений психологии не только в практике деятельности правоохранительных органов, но и при построении правового государства.

Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения

С.Н. Ениколопов

Аннотация: в статье отражены материалы выступления автора на научно-практическом семинаре «Прикладная юридическая психология», анализиру-

ются проблемы исследования агрессивного поведения, базовые эмоции, апатия, стресс.

Summary: the article reflects the author's speech at the scientific and practical seminar «Applied legal psychology, the study analyzes the problem of aggressive behavior in the modern legal psychology».

Keywords: violent behavior, aggressive behavior, violence, basic emotions, apathy, stress.

ются проблемы исследования агрессивного поведения в современной юридической психологии.

Ключевые слова: насильственное поведение, агрессивное поведение, наси-

лие, насильственное, агрессивное поведение стала объектом самого широкого научного, практического и житейского интереса. Число исследований, относящихся